

Девятнадцатый знал, что имел в виду Дуаньму Цин. В три года его спас Дуаньму Цин. Хотя тогда он был совсем маленьким, некоторые воспоминания сохранились. Один мужчина намеренно бросил его.

Время было давнее, и он уже давно забыл лицо того человека, а также события тех лет. С трёх лет он жил в Башне Цинчэн. И хотя сейчас произошли перемены, это не имело никакого отношения к его так называемым биологическим родителям.

Сказав это, Девятнадцатый замолчал, словно действительно уснул. Дуаньму Цин тихо вздохнул, поправил одеяло и, обняв его, крепко заснул.

На следующее утро пришло письмо от Шэнь Бэя. Он и Шэнь Нань должны были прибыть в Башню Цинчэн через три дня. В письме рассказывалось о забавных происшествиях в пути, а также выражалось удивление по поводу новости о предстоящей свадьбе Дуаньму Цина.

Дуаньму Цин прочитал письмо вместе с Девятнадцатым, но не стал отвечать. Ведь они вот-вот приедут, и писать что-либо было бессмысленно. Все важное можно было обсудить при встрече.

Они еще не поженились, но статус Девятнадцатого в Башне Цинчэн уже был непоколебим. Дуаньму Цин объявил всем в башне, что к Девятнадцатому следует относиться так же, как к нему самому.

Хотя статус изменился и Девятнадцатый больше не был тайным стражем, его отношения с другими стражами остались прежними. Они по-прежнему были братьями.

Дуаньму Цин требовал от стражей безоговорочной преданности Девятнадцатому, но не регламентировал их манеру общения. Он знал, что Девятнадцатый не из тех, кто ставит себя выше других.

К тому же в прошлой жизни эти стражи шли за ним на смерть. Когда Башня Цинчэн пала, а Дуаньму Цин погиб, они не предали его, сражаясь до последнего.

От Одиннадцатого до Девятнадцатого — все они сопровождали Дуаньму Цина с тринадцати лет. Они были и слугами, и братьями.

В этот вечер Дуаньму Цин специально накрыл стол и дал стражам выходной, чтобы Девятнадцатый мог пообедать с ними и провести время вместе. Сам он не участвовал, чтобы не создавать им напряжения.

Дуаньму Цин разрешил им пить вино, и даже если они напьются, не будет наказания. Он хотел, чтобы они расслабились.

Стражи, получив разрешение, обрадовались. Обычно они не притрагивались к спиртному, хотя и тренировали свою выносливость. Пить вино было запрещено, чтобы не мешать выполнению обязанностей.

Хотя стражи обычно вели себя перед Дуаньму Цином серьезно, словно образцовые служители, в кругу своих они быстро сбрасывали маски. Совсем скоро они раскрылись.

Одиннадцатый поднял бокал:

— Эй, братья, выпьем за это!

Остальные не обратили на него внимания. Двенадцатый подколот его:

— Одиннадцатый, ты что, с ума сошел? С таким шансом надо есть вкусняшки, а не пить!

Девятнадцатый, хоть и оставался бесстрастным, но в голосе слышалось легкое веселье:

— Ешьте, сколько хотите, если не хватит, принесут еще.

Стражи, чувствуя, что это благодаря Девятнадцатому, ели еще усерднее, не останавливая палочки ни на секунду. Они хватали еду с такой скоростью, что в глазах рябило, словно голодные духи.

После первого раунда еды они уже наелись, и им принесли новые блюда. Теперь они не спеша пили вино и закусывали.

Семнадцатый был самым веселым среди них. Он налил всем по бокалу и сказал:

— Братья, выпьем за Девятнадцатого!

Девятнадцатый выпил вино залпом и искренне произнес:

— Каким бы ни был мой статус в будущем, наши чувства никогда не изменятся. Мы братья на всю жизнь.

— Да, мы братья на всю жизнь.

Хотя стражи обычно были эмоционально сдержанны, между ними была особая связь.

Они прошли через горы трупов и моря крови, каждый прошел через нечеловеческие тренировки. Они выделились среди множества людей, став личными стражами Дуаньму Цина. Их дружба была непохожа на обычную.

Незаметно наступила глубокая ночь. Стражи, обладая хорошей выносливостью, выпили много, но почти не опьянели. Когда Дуаньму Цин пришел за Девятнадцатым, тот лишь слегка покраснел.

Девятнадцатый, моргнув, посмотрел на Дуаньму Цина и тихо назвал его «господином», после чего послушно последовал за ним в комнату.

Три дня пролетели незаметно. Дуаньму Цин еще уговаривал Девятнадцатого поспать подольше, когда пришло сообщение, что Шэнь Бэй скоро прибудет. Ожидалось, что они приедут около полудня. Шэнь Бэй специально прислал человека, чтобы предупредить их, и попросил Дуаньму Цина приготовить угощение.

Повалявшись немного в постели, Дуаньму Цин наконец встал.

Когда гости прибыли, Дуаньму Цин вместе с Девятнадцатым вышел встречать Шэнь Бэя и заодно Шэнь Наня.

Шэнь Бэй был одет в белые одежды. На рукавах были вышиты пионы с надписью «Цветы распускаются, и столица приходит в движение». На подоле также были тонкие узоры. В руках он держал веер из чистого белого нефрита, а на поясе висела изумрудная подвеска с кисточкой. С первого взгляда было ясно, что это вещи высшего качества. Его улыбка и манера приветствовать Дуаньму Цина излучали аристократическую элегантность.

Шэнь Бэй поклонился Дуаньму Цину:

— Брат Дуаньму, давно не виделись.

Его тон был благородным, как и подобает выходцу из знатной семьи.

Дуаньму Цин хлопнул его по плечу:

— Ладно, хватит притворяться человеком. Я же тебя знаю.

Шэнь Бэй с легкой обидой сказал:

— Хотя бы сохрани мне лицо...

— Здесь нет чужих. Кто это за тобой?

Дуаньму Цин посмотрел на Шэнь Наня.

Шэнь Нань стоял позади Шэнь Бэя. Услышав вопрос, он вышел вперед и поклонился:

— Господин Дуаньму, я — Шэнь Нань.

Серебряный головной убор удерживал черные волосы. В отличие от мягких черт лица Шэнь Бэя, у него были высокие брови и яркие глаза, сверкающие, словно звезды. Его можно было назвать красавцем, истинным прекрасным юношей.

Он был одет в черные одежды. На подоле были вышиты красные цветы маньчжухуа. Большие бутоны, собранные в зонтики, казалось, вот-вот распустятся или уже раскрылись. Говорят, что у маньчжухуа цветы цветут без листьев, а когда есть листья — нет цветов. Но на одежде Шэнь Наня были и цветы, и листья, что сбивало с толку. Лепестки в форме перевернутых игл были разбросаны по всей одежде, выглядя очень красиво. На поясе висела подвеска из высококачественного нефрита Хэтянь, что придавало ему аристократический вид.

Совпадением оказалось и то, что Девятнадцатый тоже был одет в черное, и когда они стояли рядом, это создавало интересный контраст.

На одежде Девятнадцатого были вышиты цветы дурмана. Черные нити, даже образуя тонкий узор, были отчетливо видны. На рукавах дурман был изображен в виде бутонов, лепестки которых слегка сомкнуты и, казалось, покачивались при движении.

На подоле же дурман уже расцвел, принимая разные позы. Лепестки окружали стебель, устремляясь вверх. Мастерство вышивальщицы было велико, цветы казались живыми.

На поясе висела подвеска в форме полумесяца из зеленого нефрита Наньян, которая вместе с подвеской Дуаньму Цина образовывала круг. Это была пара.

Весь наряд был подобран Дуаньму Цином утром. Действительно, встречают по одежке, и Дуаньму Цин выбрал для него идеальный образ.

Головной убор Девятнадцатого тоже был черным, волосы были собраны небрежно, что придавало ему расслабленный вид. Волосы ему уложил сам Дуаньму Цин утром.

На ногах были черные сапоги из рыбьей кожи, украшенные цветами дурмана. Их пышное цветение было несравненно.

Из-за того, что он был тайным стражем, Девятнадцатый обладал спокойной аурой, но при этом не оставался незамеченным.

Потому что он был намного красивее Шэнь Наня.

Если Шэнь Нань был красив, то Девятнадцатый был прекрасен.

Черты лица Девятнадцатого были изысканными: глаза в форме персиковых лепестков, излучающие влажный блеск, прямой нос, сжатые губы — все это превосходило Шэнь Наня. Каждое его движение излучало очарование, но, к сожалению, Девятнадцатый обычно сохранял каменное выражение лица.

Из-за долгого пребывания в тени кожа Девятнадцатого была бледной, и его белая шея вызывала фантазии, о которых он сам не догадывался.

Их ауры были совершенно разными. Спокойствие Девятнадцатого было результатом множества жизней, которые он отнял. Даже если он скрывал свою убийственную энергию, было ясно, что он не обычный человек.

Шэнь Нань же производил впечатление наивного и гордого молодого аристократа, только что вступившего в мир и ничего не понимающего. Его аристократическая аура лишь указывала на его необычный статус, но не вызывала страха.

Автор имеет что сказать:

Девятнадцатый: Лучше всего опьянение страстью!

Дуаньму Цин: Сегодня ведь моя очередь быть сверху!

<http://bllate.org/book/16706/1535011>